

«Душа моя нуждалась в академическом знании...»

Владимир Лукин, доктор богословия, преподаватель Заокской духовной академии

Расскажите немного о себе и о Вашей семье.

Меня зовут Владимир Лукин. Женат, у нас с женою двое детей: сын Илия и дочь Елизавета.

Какое у Вас богословское образование?

Докторская степень в области теологии.

Как называлась Ваша докторская работа?

Докторскую писал на тему «Трансформация ветхозаветной концепции священства в новозаветном контексте». Если перевести в плоскость популярного языка, то размышления строились вокруг того, как ветхозаветная идея священства изменилась в новозаветном контексте, какие произошли преобразования, учитывая факт смерти Христа на Голгофе.

Каким был Ваш путь к библейскому исследователю, к тому, что изучать Священное Писание Вам по-настоящему понравилось?

Скорее всего, начало этому было положено ещё тогда, когда я пошёл учиться заочно. Помню, в 1998 – 1999 годах в Бучу приезжали адвентистские богословы из Университета Эндрюса, читали лекции по теологии. Но до этих событий, еще в 1995 году, в течении двух с половиной месяцев я учился на пасторских курсах в Заокске. Следует сказать, что мне всегда хотелось узнать немного больше, и недостаток академического знания мною ощущался всегда.

всегда. Всегда было очень много вопросов, а вот, ответы – закрывали вопросы медленно. Приезд серьезных теологов только

усилил эту жажду – я понял, что академические знания дают ответы на очень многие, мучившие меня вопросы, а это, в свою очередь, позволило бы мне чувствовать себя более свободно в труднопроходимых для других людей «местах» Богопознания. Поэтому с 1999 года я уже начал задумываться над стационарным вариантом образования. Но думал я над этим вопросом не долго, потому что зимой 1999 года, когда мы совершали пасторское служение в Севастополе, я еще размышлял, а летом 2000 года уже принял окончательное решение и поступил в Заокскую академию. Душа моя нуждалась в академическом знании, но лейтмотивом как и тогда, так и сейчас, было стремление к приобретению знаний о Боге. Как следствие, это привнесло в мой духовный мир равновесие и гармонию.

Сформировались ли у Вас за годы исследования Библии любимые темы?

Основная тема – это «Святилище» в Ветхом и Новом заветах, ритуалы древнего Израиля, Храмовая символика в книге Откровение и Послании к Евреям. Также мне интересно развитие подобной тематики в псевдоэпиграфии и в апокрифах. Но, кроме этого, есть еще список предметов, которые я преподаю, и по большому счету – это междисциплинарные курсы.

Ведете ли Вы в настоящее время научную деятельность, и как развиваетесь в этом плане?

Межконфессиональное общество организует международные конференции связанные с различного рода тематикой, – я участвую в этих конференциях. Также начал принимать участие в межконфессиональных докторских коллоквиумах, где обсуждаются докторские, которые пишутся, или те, которые недавно были защищены. Это удивительные встречи, где ты можешь разговаривать с человеком, который пишет докторскую, оказывать влияние на его труд, который будет написан, советовать, обсуждать... Или человек рассказывает тебе, как он достиг своих целей в написании академической работы. Это очень интересно.

Вот, ожидаю, когда в сборнике «Научные записки Украинского Католического университета» (Львов) появится в конце года моя статья, посвященная анализу деталей образа Мелхиседека в Пс.109 («Седи одесную меня: личность Мелхиседека в Пс.109».

В настоящее время работаю над статьей для межконфессионального журнала. Статья затрагивает тему святости в контексте древнеизраильской общности. Важно показать, как святость влияла на организацию жизни народа. Вот так стараюсь держаться на академическом плаву!

Нужны ли обязательные публикации для исследователя?

Да, нужны. Существует даже довольно-таки известное выражение: «Пиши или умри».

Если исследователь не пишет – он не развивается. Ученый должен быть не только аудиторным персонажем, но и «заметен» в мыслиеизложении на бумаге. Если он только говорит, но не публикуется – тогда он, как искатель знаний, образно говоря, умирает. Если он учёный, если он теолог – он обязательно должен публиковаться. И писать не просто какие-то «проходные статьи», но соответствующие научным параметрам.

Где Вы работали в качестве преподавателя, и какой предмет преподавали?

В 2017 году я преподавал в городе Краснодар в филиале Заокской академии. Там у меня было несколько предметов: книга пророка Даниила, Иезекииля, Послание к Евреям, Послание к Иакову.

Когда в 2018 году я летал в Заокский, то преподавал там: «Ветхозаветная эсхатология» и «Святыище».

Внесла ли пандемия коррективы в планы Вашей преподавательской деятельности?

Да, в 2019 году из-за пандемии не получилось полететь куда планировал, всё усложнилось, но – вдруг, может весной получится...

Какую практическую пользу несут те предметы, которые Вы преподавали, и вообще, – о чём они?

Допустим, если мы изучаем доктрину о Святилище, то понимаем, что речь идет об искуплении человека и его отношениях с Богом. Отношения всегда преподносятся в контексте Святилища: земного и небесного.

Если мы читаем Послание к Евреям или книгу Откровение, то видим, что всё сосредоточено в небесном святилище и из него исходят все решения. Формат разный – как в историческом плане, так и в личном. Это, если коротко о сути предмета.

Что касается курса «Ветхозаветная эсхатология», то мы осознаем, что представление об эсхатологии зародилось, во-первых, не только в новозаветный период. В Ветхом Завете люди жили эсхатологической надеждой, позже, она была несколько видоизменена, но принципиальные моменты христианской надежды схожи с ветхозаветной. Мессия – вот наша цель и надежда. И они общие для ветхозаветных и новозаветных верующих, поскольку мы говорим о Том же Мессии. Да, многие нюансы ветхозаветной эсхатологии, были тесно связаны с политическими или геополитическими особенностями того времени. Во-вторых, религия язычников также была эсхатологична. Следовательно, эсхатология – это универсальное измерение человеческого бытия, изначально внедренное в структуру земного существования. И как они жили и обустроивали свою жизнь, неизменно влияло на их мышление. Естественно, это повлияло и на нас, если мы правильно это понимаем, выстраивая свою жизнь в соответствии с нашей верой.

Что касается пользы, то она несомненно есть: мы понимаем, что возвели фундамент своих религиозных и философских представлений на воззрениях наших предков.

Давайте поговорим о любимых методах преподавания и контроля знаний. Каков Ваш стиль преподавания? И как Вы предпочитаете оценивать знания студентов?

В принципе, конечно, считаю, что я строгий преподаватель, не люблю, когда студенты сачкуют. Лекционный материал подается студентам на слайдах. Люблю диалоги связанные с религиозными и богословскими деталями предметов. Но главное, чтобы не «задискутировать» предмет, когда уроки и лекции превращаются просто в дискуссию без информативной нагрузки: поговорили и разошлись – преподаватель, в конце концов остался со своим знанием, а студенты просто с хорошим впечатлением.

У меня существует два способа преподавания. Либо загрузить информацией на уроке и тогда экзамены – очень легкие. Либо наоборот: мы скользим по поверхности знаний, при этом студенты много читают и соответственно более сложный экзамен.

Что касается оценки знаний студентов, то тут все стандартно: человек пишет работу, а затем, в личном общении, заметно как он овладел предметом. В глаза сразу бросается неподготовленный студент. В Заокском на предмете «Святилище» класс состоял из пасторов. Они очень переживали о том, насколько сложным будет экзамен. Мы прошли очень много теоретического материала, а экзамен оказался простым. Разбил студентов на группы, и каждый в ней отвечал на один вопрос, – это было очень легко. Поэтому оценка знаний возможна, хотя она бывает и сложной.

В связи с этим возникает попутный вопрос: студенты часто проявляют академическую нечестность: как Вы к этому относитесь и как боретесь с ней?

К сожалению академическая нечестность существует даже среди верующих, и с ней трудно бороться.

Убежден в том, что если человек вступает в духовную сферу и дает обещание, то, конечно, обещания нужно исполнять прежде всего перед Богом. Когда мне приходится экзаменовывать студентов, то я их сразу предупреждаю, что в аудиторию они заходят только с ручкой. Никаких конспектов, мобилок, дополнительных гаджетов, а только бумага, ручка и мозг – это всё.

Что по Вашему мнению важнее: труд преподавателя или служителя в церкви?

Считаю, важен труд как одного, так и другого, но если начинать с начальных этапов человека как служителя, с его первых шагов, то в плане направляющего, важнее деятельность преподавателя. А после, усвоенное молодым человеком, должно закрепиться в отношениях с Богом. Он должен уметь отфильтровывать ненужное и обучать людей.

То есть, в начале для него важен преподаватель, а потом пастор-наставник?

Думаю, не стоит искусственно разделять академический мир на практическое богословие и теоретическое. Это неправильно. Если преподаватель человек духовный, то его богословие будет всегда прикладным. Но особенность преподавателя как пастора в том, что он обязательно своё академическое знание облекает в практическую плоть, то есть он менее безошибочен в изложении практического представления о взаимоотношениях с Богом.

Учитывая такой длительный опыт, как 26 лет служительской практики, какие три вещи Вы бы посоветовали поставить на первое место начинающему служителю?

Думаю, что служитель с богословским образованием, не должен отождествляться с теологом.

Что касается трех топовых вещей, то, во-первых, это смирение. Об этом очень хорошо написал в своей книге исследователь и литературовед Кевин Ванхузер по литературоведческой этике и практике чтения Священного Писания («Искусство понимания текста. Литературоведческая этика и толкование Писания». Коллоквиум, 2007).

Во-вторых, – и это мое убеждение, – после смирения, конечно же, молитвенная жизнь. Хотя они взаимосвязаны между собой.

В-третьих, это благодарность Богу за то, что вы видите и

открываете какие-то детали, тонкости в Писании. Состояние смирения – это ключевой фактор.

Помню, когда я поступил учиться в академию, мне было 27 лет и за плечами пятилетний пасторский стаж. В первый же год обучения, согласно обстоятельствам и обстановке очного отделения, смирение перед младшими по возрасту вошло в мою жизнь. Перед теми, кто хотя и годами моложе, но знают больше меня. Образование в академии учит академическому смирению! И мне, например, не стыдно спрашивать у того, кто обладает меньшим жизненным опытом, чем я.

Если бы у Вас была возможность поговорить с Богом лицом к лицу, как Моисей, слышать Его голос и назвать два заветных желания, – то о чем бы Вы просили?

Мне хотелось бы лицезреть свое будущее, и всей моей семьи, моих родных и близких.

Бытует мнение, что если узнать свое будущее, то оно изменится. Это называют парадоксы времени.

Это философский момент, но Священным Писанием не подтверждается. Потому что глобально нам известно наше будущее из Библии – это вознесение на небо, жизнь в Новом Иерусалиме, однако это никак не влияет на наше настоящее. Но при этом мы можем либо от этого будущего отказаться, либо идти ему навстречу. Меня не столько интересует вопрос будущего в конкретных днях, сколько сам факт присутствия на небесах.

А если вопросы, которые хотелось бы задать Богу свести к богословским, то какие из них беспокоят, а ответа пока нет?

Хотелось бы уточнить нюансы, касательно служения в Небесном святилище и есть неразрешённые вопросы связанные со святилищем земным...

Если мы знаем, что Христос в одном лице и жертва и священник, то в ветхозаветном святилище священник и жертва были

разделены, как бы две модели говорили об одном, о Христе, – и в Нем сочеталось и то и другое. В ветхозаветном святилище нет ответа на вопрос: почему ни один из элементов святилища или служения, не информирует о воскресении из мертвых. Например, когда мы читаем Послание к Евреям или книгу Откровение, то замечаем, что служение в Небесном святилище тесно связано с воскресением из мертвых. А вот в служении земного святилища я это не замечаю, будто сама тематика воскресения из мертвых была вынесена за рамки этого института. Может открытия в этой области нас ожидают впереди!

Есть повод написать еще одну докторскую.

Это уже для молодых.

Вопросы – Илия Лукин